

СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ШИБАНИДОВ: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РАМОК ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. Н. МАСЛЮЖЕНКО

Курганский государственный университет

Аннотация: Статья посвящена проблеме определения хронологических и географических рамок истории сибирской государственности Шибанидов. Традиционные подходы к этому вопросу не позволяют ее рассматривать именно в общем контексте развития постордынского мира. В подходах к решению необходимо учитывать кочевые истоки происхождения политий этой ханской династии, что заставляет говорить не о границах территории, а о границах власти над населением. При этом анализ источников с большой степенью вероятности свидетельствует о необходимости определения местных политических структур как части истории Тюменского ханства.

Ключевые слова: Тюменское ханство, Сибирское ханство, Шибаниды.

Проведенные в последние 15 лет на основании значительного комплекса письменных источников исследования позволили довольно полно воссоздать различные направления внешней политики сибирских государств Шибанидов. Несомненно, здесь имеются определенные проблемные моменты (например, отношения с угорскими княжествами, которые могли варьироваться от союза до вассалитета), однако, скудость имеющихся источников и сомнительная возможность открытия новых на этом направлении не позволяет обсуждать данную тему более подробно, чем это уже было сделано, например, Еленой Мартыновой.

При этом для понимания сущности рассматриваемых государств (в самом широком понимании этого термина) и их места на постордынском пространстве необходимо более подробное обращение именно к внутренней истории, причем не только в контексте самих институтов государственности и символов власти [4; 8; 18]. При этом необходимо по возможности дистанцироваться от принятой в историографии традиции рассматривать местные государства как «нецентрализованные» и «разбитые на мелкие улусы и княже-

ства», считая это показателями отсталости и причинами позднейшего поражения. По сути, таковым в общих чертах было устройство большинства государств вне модели «абсолютной монархии» европейского образца. Тем более оно было характерно для кочевых политических объединений в целом и постордынского мира в частности. Племенная аристократия, владевшая на территории ханств и орд улусами и юртами, пользовалась значительными политическими свободами в их управлении. Ханская власть, прежде всего, но не только, обладала монополией на ведение внешней политики и выступала в качестве верховного судебного органа, что и позволяло ей сплачивать вокруг себя довольно разнородные группы. В этом отношении раздробленность и децентрализация могут рассматриваться как минусы только в рамках европейской модели государственности, причем нового времени, но не как не в Средние века и тем более не в кочевых обществах. Омские археологи Алексей Матвеев и Сергей Татауров правы в том, что система управления Сибирского ханства была работоспособной и эффективной для времени хана Кучума [12, с. 137]. Однако, их вывод может быть перенесен и на периоды правления предшествующих ханов, хотя понятно, что стабильность этой власти зависела и от умения наладить отношения с местной аристократией, и от успешности внешней политики и перераспределения полученной от нее прибыли в рамках систем престижной экономики. Представляется, что эти общие рассуждения могут быть перенесены фактически на все постордынские ханства, лидеры которых часто не могли действовать без согласования с советами карачи-беков, собраниями лучших людей или, возможно, сохранившимися курултаями.

Для реализации поставленной цели необходимо определиться с хронологией и периодизацией местной государственности, определить территорию, а также выявить возможные границы власти ханов. Подчеркну еще раз — в постордынском мире крайне проблематично пытаться выявить границы в их традиционном территориально-правовом понимании. Скорее, необходимо искать границы власти ханов, при этом не забывая о возможности сезонных перекочевок населения как с севера на юг, так и с запада на восток.

Причем следует подчеркнуть, что опора на население здесь принципиальна, поскольку для лидеров постордынского, как и кочевого мира в целом, главное значение имела власть над населением, а не над территорией. Еще один не менее важный момент — на разных этапах становления сибирской государственности — территории, границы и другие ее признаки могли значительно варьироваться. Например, русские летописцы, описывая поход за Урал 1483 г., довольно четко отделяли Тюменскую и Сибирскую земли, указывая, что последняя находилась за границей владений хана Ибрахи́ма (Ибака) [10, с. 121].

В истории изучения сибирской государственности Шибанидов было сделано две попытки определить ее хронологию и периодизацию. Первая была предпринята Александром Нестеровым в его кандидатской диссертации в 1988 г. Он предполагал, что на территории Сибирского юрта, как в целом называл владения Шибанидов, последовательно существовали Узбекское ханство (1428-1469), государство Сибирских Шибанидов (Шейбанидов в версии рассматриваемого автора) со столицей в Чимги-Туре (около 1448 — около 1505), государство Тайбугидов со столицей в Искере (Сибири) (конец XV — около 1563). Поражение последних в борьбе с Узбекскими Шибанидами привело к включению Сибирского юрта в состав Шибанидского государства в качестве Сибирского ханства [15, с. 7].

Вторая периодизация уже в 2006 г. была предложена Дамиром Исхаковым: 1) Государство Шибанидов (Узбекское ханство), 2) Тюменское и Сибирское ханство, переход между которыми он видел в формировании в начале XVI в. Сибирского княжества Тайбугидов [3, с. 129-135]. В более поздней работе он предлагал иную линию наследования от Улуса Шибана к Государству кочевых узбеков / Тюменскому ханству, а затем к Сибирскому юрту / Сибирскому ханству [5].

Обе предложенные периодизации показывают постепенную эволюцию исторических концепций сибирской государственности и имеют свои плюсы и минусы. Так, абсолютно логичной была идея Александра Нестерова об общем Шибанидском государстве,

что подтверждается наличием у многих лидеров из этой династии титула «Шибанский хан» [9, с. 798]. Однако, оставались, например, не ясными причины выбора в качестве общего наименования именно «Сибирского юрта», которое не встречается в аутентичных источниках. При этом мы уже писали выше, что собственно Сибирь в понимании авторов того времени долгое время находилась вне пределов прямой власти Шибанидов. Сам термин «юрт» может обозначать не только государство в целом, но и его составную часть, что еще более запутывает читателя. Дамир Исхаков в конечном итоге был вынужден отказаться от идеи существования отдельного Сибирского (Искерского) княжества, которая была популяризирована именно Александром Нестеровым, однако при этом не дал четкого представления о хронологии.

Интересно то, что практически в те же годы (2008 г.) Шамиль Мухамедьяров попытался обосновать иной, незамеченный исследователями, подход к данному вопросу, показывая фактически непрерывное существование наследовавшего Тюменскому вилайету как части «государства кочевых узбеков» Тюменского ханства с середины XV до конца XVI в. [14].

Мы предлагаем попробовать объединить все эти подходы в одну модель. При этом считаем, что Шамиль Мухамедьяров был прав в выборе максимально общего названия для сибирской государственности в форме Тюменского ханства. Мне уже приходилось писать о том, что с точки зрения восточных источников, картографии и иных документов XV-XVI вв. нужно говорить о единой линии наследования Шибанидов в Тюменском (Туранском у восточных авторов) ханстве [9, с. 798-800]. Именно в его столице Чимги-Туре впервые было расположено тронное место местных Шибанидов [13, с. 143-144], которое оставалось важным и при Кучуме, которого в ногайской переписке именуют «тюменским и сибирским» царем [17, с. 268-269]. Его дядя Кутлук бен Ибрахим был первым Шибанидом, названным в летописях сибирским царем, но при этом он «пришел из Тюмени» [2, с. 264]. С точки зрения правосознания ханов хотелось бы знать то, кем они реально считали себя, когда их именовали ногайскими, казанскими, тюменскими или сибирскими

правителями? Ощущали ли они себя в качестве царей этих территорий или населения, жившего в соответствующих политиях? К сожалению, имеющиеся у нас источники позволяют реконструировать лишь внешнюю точку зрения на этот вопрос.

При этом необходимо ставить вопрос о том, почему в русских летописных и посольских документах второй половины XVI в. этот концепт, фиксирующийся в названиях «Великая Тюмень» и «Тюменская земля», исчезает, а вместо этого на первое место выходит Сибирское ханство/царство, которое в результате стало в научной литературе наиболее часто используемым названием. Рискну предположить, что в создании тренда «Сибирское ханство» могли быть крайне заинтересованы русские дипломаты и летописцы. Дело в том, что после похода 1483 г. и тем более в результате переписки 1555-1563 гг. сибирские князья разных династий признавали свою зависимость от московских государей. Исходя из этого факта, московские дипломаты могли требовать такой же зависимости и от занявших этот престол в 1563 г. тюменских Шибанидов, что было важно с позиций обоснования дальнейшего процесса присоединения Западной Сибири к Российскому государству.

С этой позиции может быть предложена следующая периодизация истории сибирской государственности Шибанидов, наиболее общим названием для которой является Тюменское ханство:

1. Узбекское ханство Шибанидов от междоусобицы 1420-х гг. до единства при Абу-л-Хайре (1429-1468). Обоснованием необходимости включения этого этапа в историю Тюменского ханства служит три фактора: начало междоусобиц связано именно с воцарением на ханский престол при поддержке мангытского бека Эдигея Хаджи-Мухаммада Шибанида, основателя всей линии последующих тюменских ханов, расположение столицы Абу-л-Хайра в Чимги-Туре между 1430-1447 гг., а также начало деятельности сыновей Хаджи-Мухаммада в качестве владельцев Тюменского юрта в конце правления Абу-л-Хайра.

2. Тюменское ханство периода «независимости» от Абулхайридов (конец 1450-х — 1505/1506), который совпадает с сепаратизмом сыновей Хаджи-Мухаммада Сайидека и Махмудека от пра-

влящей линии узбекского хана, а также правлением внуков Хаджи-Мухаммада Ибрахима, Мамука и Агалака и сына первого из них Кутлука, при которых ханство находится на пике внешнеполитического влияния, по сути подчинив большую часть бывших владений Абу-л-Хайра.

3. Сибирское ханство (1505-1660) как составная часть истории Тюменского ханства, в котором правят сыновья Ибрахима Кутлук и Муртаза, а также дети Муртазы Ахмад-Гирей и Кучум, а затем его потомки Кучумовичи. На первые десятилетия этого этапа приходится существование Искерского княжества/юрта Тайбугидов, которые были именно юртом внутри Тюменского ханства. В 1555-1563 гг. сибирские беки Едигер и Бекбулат попытались проводить сепаратную от ханов политику, что привело к прямому подчинению их владений ханской власти и оформлению самой северной ханской столицы Искера (Сибири). Принципиальным является значительное расширение хронологии этого этапа. Поход Ермака 1582 г., русских воевод 1586-1587 гг., разгром Кучума в 1598 г. не могут являться датами окончания истории местной государственности. Это были, скорее всего, факторы перемещения его населения и лидеров на более южные земли того же ханства. При этом абсолютно не важно, что после Кучума и его сына Али иные Кучумовичи фактически не признавались ханами русскими дипломатами. Они как Чингизиды имели право на власть, которое должно было быть подкреплено поддержкой определенных групп местного населения и реализовано в сфере внешней политики, что и наблюдается вплоть до поражения восстаний 1660-х гг.

Предлагаемая нами периодизация учитывает один, но немаловажный фактор, — сибирская государственность Шибанидов показана именно в процессе своего исторического развития, а не как однажды и навсегда сформировавшийся исторический феномен. При этом в силу общего происхождения из монгольского и ордынского времени и единой правящей династии Тюменское ханство имело тесные политические и культурные связи с Казанским ханством, Ногайской Ордой и ханствами Шибанидов в Центральной Азии. Представляется, что отсутствие новых исследований по ис-

тории Бухарского и Ургенчского (Хивинского) ханств XVI в. как в российском, так и азиатском востоковедении не позволяет нам до конца понять общую структуру шибанидской государственности. Поясню свою мысль: еще в правление Абу-л-Хайра в его отношении был выработан довольно интересный титул Хан-и Бузург [13, с. 95], то есть Великий или Старший хан, что подразумевало наличие на территории Узбекского ханства и иных ханов. Представляется, что на это же претендовали Ибрахим и Мамук, которых в летописях называли «шибанскими ханами» [16, с. 203, 242-243]. Аналогичная ситуация с двумя или тремя ханами была в Бухарском ханстве, где правили потомки Абу-л-Хайра. При этом речь не шла о системе их вассалитета в отношении друг друга, так же, как и не всегда работал институт соправления. Предварительно складывается впечатление, что большие размеры владений Шибанидов позволяли там сосуществовать ханам из разных ветвей этой династии, что отнюдь не всегда приводило к военным конфликтам, как это было между бухарскими и хивинскими правителями.

Существенный момент в том, что мы не предлагаем отменить иные употребительные в исследовательской литературе названия, а лишь считаем необходимым использовать, например, наименование «Сибирское ханство» лишь применительно к последнему этапу истории местной государственности.

Исходя из этих размышлений, поставлю еще несколько вопросов относительно возможности четкого определения границ Тюменского ханства на разных этапах его истории. Еще в своей монографии «Этнополитическая история лесостепного Притоболья в Средние века» в 2008 г. я уподоблял изучаемую территорию пульсатору или сердцу. Мне до сих пор представляется эта аналогия в целом верной, поскольку на разных этапах территория кочевания ханской ставки и связанной с ней аристократии могла значительно смещаться к югу или северу в зависимости от довольно многочисленной группы факторов (сезонность, климат, внешняя политика).

Если мы продолжим пытаться выяснять точные очертания границ рассматриваемого ханства на разных этапах, то мы как мини-

мум должны задать себе несколько вопросов: насколько политико-правовое понятие «граница» может быть применимо к истории местных ханств, с учетом сохранения его аристократией кочевого или полукочевого образа жизни? стоит ли в границы ханства включать все территории, где находились летовки и зимовки ханской семьи и тюрко-татарской аристократии? возможно ли определять территорию ханства не по четким границам, а по наличию здесь группы населения, которая напрямую связывала себя с соответствующими ханами? При этом подчеркну, что, несомненно, кочевой образ жизни был престижным и соответствовал статусу аристократов разного уровня, по этой причине мы и не можем археологически зафиксировать их городки, о которых пишут авторы различных редакций Сибирских летописей. Однако, для представителей рядовых групп в силу экономических и политических причин он уже ко второй половине XVI в. становился недостижимым, население оседало на землю, что и фиксируется затем русскими администраторами конца XVI в. в процессе перехода различных групп сибирских татар и тюрков под русскую власть. При этом еще в первой половине XVII в. отдельные тюркские племена из Западной Сибири перекочевывали через Уральские горы на летние месяцы, что совпадает с упоминанием здесь веком ранее неких «шибанских татар» [11].

В свете этого представляется, что территория Тюменского ханства как компонента шибанской государственности была гораздо больше. На протяжении XV-XVI вв. все ханы Чимги-Туры имели зимние кочевья на Сырдарье и в Приаралье, где располагались и связанные с ними группы. В 1590-е гг. эти земли стали камнем преткновения между Кучумом и лидером Алтыулов Аулией. По всей видимости, уступки Кучума привели к тому, что Аулия вошел в тройственный бухарско-сибирско-ногайский союз, активность которого могла быть довольно опасной для русской власти в Сибири [1, с. 236-237]. Именно столь значительные территории позволяли Кучуму и особенно Кучумовичам постепенно отступать к югу от русских границ в Западной Сибири, не покидая при этом свою территорию власти. Возможно, что в определении границ мы отчасти находимся под влиянием современных политико-географиче-

ских концептов, в том числе относительно современной территории Казахстана, которая на уровне идеологии рассматривается как прямое наследие кочевой цивилизации. Однако, и здесь следует поставить вопрос о том, когда именно казахские племена появились на западе и севере современной территории. Рискну ошибиться, но предположу, что довольно стабильное положение союзных шибанских ханов и ногайских биев до 1550-х гг. довольно плотно контролировали местные кочевья. Только казахскому хану Хак-Назару в конце этого десятилетия удалось значительно раздвинуть сложившиеся ранее границы, однако после его смерти его родственники вступили в союз с бухарским ханом Абдаллахом II, что вновь позволило вернуться к прочным маршрутам между Сибирью и Центральной Азией.

Поскольку это полемические заметки, то я не предлагаю здесь читателю никакого заключения, как и не утверждаю, что мои позиции достаточно аргументированы и верны. Мне представляется, что, если мы хотим понять историю сибирской государственности Шибанидов позднего средневековья, мы просто должны научиться ставить перед собой новые вопросы, провоцирующие дискуссии и показывающие новые ранее неизвестные или неизученные возможности исследования. Ведь не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А. В., Маслюженко Д. Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. — 2016. — № 6. — С. 229-243.
2. Вычегодско-Вымская летопись // *Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР*. — Вып. 4. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. — С. 241-270.
3. Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. — Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2006. — 196 с.
4. Исхаков Д. М. О культуре государственной жизни в Сибирском юрте в XV-XVI вв. // *Сибирский сборник*. — Вып. 1. — Казань: Изд-во «Яз», 2011. — С. 190-196.
5. Исхаков Д. М. Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ //

- История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции (Курган, 21-22 апреля 2011 г.) / отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Тагауров. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. — С. 52-58.
6. Мартынова Е. П. Татарско-угорские политические связи в XIV-XV вв. // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. — С. 294-296.
 7. Маслюженко Д. Н. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи как источник по истории Сибирских Шибанидов // Золотоордынское обозрение. — № 4. — 2015. — С. 117-134.
 8. Маслюженко Д. Н. Символы власти в источниках по истории Тюменского ханства // Золотоордынское обозрение. — 2016. — Т. 4, № 2. — С. 360-368.
 9. Маслюженко Д. Н. Тюменский и Сибирский юрт // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. — С. 797-807.
 10. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — № 1 (24). — С. 115-123.
 11. Маслюженко Д. Н., Самигулов Г. Х. Тюркские группы Южного Зауралья в XV-XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // Золотоордынское обозрение. — 2017. — Т. 5, № 2. — С. 363-396.
 12. Матвеев А. В., Тагауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. — Казань: ФЭН АН РТ, 2012. — 260 с.
 13. Материалы по истории Казахских ханств XV — XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов и др. — Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. — 652 с.
 14. Мухамедьяров Ш. Ф. Тюменское ханство // Очерки истории исламской цивилизации. Т. 2. / под общ. ред. Ю. М. Кобищанова. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 132-136.
 15. Нестеров А. Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XV-XVI МИКХ вв.: археология и история: автореф. дис. ... канд. ист. наук, 1988. — 20 с.
 16. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. — 266 с.

17. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. — СПб., 1801. — 315 с.
18. Татауров С. Ф. Государственные институты Сибирского ханства и их отражение в археологических материалах // *Bylye Gody*. — 2016. — Vol. 41, Is. 3. — P. 575-583.